

«настолько увлечен Хорезмом, его прошлым и особенно его исторической ролью, что нередко впадает в преувеличения». Поэтому С. П. Толстов готов, полагаю я, увидеть в наблюдениях, сделанных над открытым им хорезмийским материалом, уже некоторые закономерности, т. е. впадает иной раз в ту погрешность, в которой становятся повинными многие пионеры в области науки.

Я пришел к концу моих критических замечаний. Они являются весьма незначительными по сравнению с отмеченными выше громадными достоинствами. Труд С. П. Толстова подарил советской науке неведомую до этого древнюю историю общества Хорезма с его яркой и самобытной культурой. Он привлекает для обоснования своих положений археологический материал из других областей Средней Азии, свидетельствуя тем самым о многолетней, упорной работе великой армии советских археологов, которые героически борются со всеразрушающим временем и снова даруют жизнь и бытие древним обществам нашей родины, вырывая их из мира забвения. Таким образом, высокоталантливый труд лауреата Сталинской премии Сергея Павловича Толстова вселяет уверенность, что и другие представители советской археологической науки, как Е. М. Массон, раскапывающий столицу великой Парфянской державы, А. Ю. Якубовский, изучающий дофеодальный город [Согда, погибший в мрачные дни арабского завоевания, а также и другие исследователи, завершат так же успешно, как и С. П. Толстов, свой славный труд, столь ценный в глазах всей нашей советской общности.

Акад. В. В. Струве.

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ. Боспорское царство. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, 622 стр. и 6 табл., цена 30 руб., тираж 5000 экз.

I

Рецензируемая работа состоит из краткого введения, в котором автор останавливается на значении избранной им темы, и двенадцати глав. В первой главе говорится о связях восточного Средиземноморья с Причерноморьем во II тысячелетии до н. э., о греческой колонизации северных берегов Черного моря, а также о колонизационной деятельности Милета. Вторая глава повествует об образовании Боспорского государства, причем в ней автор останавливается на вопросах о времени возникновения боспорских городов, а равно и о наличии на местах этих городов до-эллинических поселений. Небольшая третья глава посвящена истории Боспора во времена правления Археанактидов. В четвертой главе автор подробно освещает историю Боспора в эпоху Спартокидов; В. Ф. Гайдукевич останавливается на вопросе о происхождении Спартокидов, расширении границ Боспорского государства, характере власти Спартокидов, экономических связях Боспора с Афинами в IV в. до н. э. и несколько более кратко освещает историю Боспора в III—II вв. до н. э. В небольшой пятой главе говорится о торговых связях Боспора в эпоху Спартокидов. Значительно более обширная шестая глава носит наименование «Сельское хозяйство, промышленность и художественные ремесла Боспора». В ней автор подробно говорит о боспорском хлебопашестве, виноградарстве, скотоводстве, рыбном промысле, ткачестве, обработке металлов, особенно торевтике, керамике, каменотесном и строительном деле, а также о социальном положении производителей на Боспоре.

Самая большая из всех глав — седьмая представляет подробное описание Пантикалея, других городов европейского и азиатского Боспора, Феодосии, городищ Прикубанья и Танаиса. Дополнением к седьмой главе является восьмая, где говорится о боспорских некрополях: погребальных обрядах, инвентаре и надгробных сооружениях

боспорских могильников, особенно Пантикапея и Таманского полуострова. В небольшой девятой главе излагается история Боспора в конце II и I вв. до н. э.: восстание Савмака, правление Митридата Евпатора, Фарнака, Асандра, Динампы и Полемона. Десятая глава отведена политической истории Боспора в первых веках нашей эры, вопросу о взаимоотношениях Боспора с Римом и местными племенами, а также государственному строю Боспора в эту эпоху. Одиннадцатая глава обрисовывает экономику и культуру Боспора того времени. Автор говорит о земледелии, рыбном промысле, виноделии Боспора, гончарном и других ремеслах, а также торговых связях. Затем рассматриваются боспорские культы этого времени и погребальное дело. Далее исследователь переходит к вопросу о варваризации Боспора в последние века его существования и роли фисавов в жизни Боспора. Последняя, небольшая по размерам, двенадцатая глава называется «Распад Боспорского царства». Подробно остановившись на положении Римской империи в III в. н. э. и истории готских походов, автор говорит о падении боспорской торговли и экономических затруднениях, испытанных Боспором в это время. Далее исследователь переходит к культуре Боспора этой эпохи, попутно подробно описывая погребения того времени и отмечая роль христианства на Боспоре. В заключении обрисованы нашествие гуннов и гибель Боспорского государства.

За обильно снабженным рисунками основным текстом книги В. Ф. Гайдукевича следуют шесть таблиц с воспроизведениями боспорских монет, а за ними различные «приложения». Это, прежде всего, подробные примечания, иногда заключающие целые небольшие исследования по различным вопросам археологии Северного Причерноморья. Далее следует подробный библиографический указатель литературы по истории и археологии Боспора, затем пояснения к иллюстрациям и, наконец, тщательно составленные указатели имен исследователей и древних авторов, исторических лиц, мифологических персонажей, географических и этнических названий, а также упомянутых в книге эпиграфических памятников Северного Причерноморья.

Книга В. Ф. Гайдукевича, несомненно, представляет собой очень полезную большую работу, безусловно обладающую значительными достоинствами. Эта книга — новый и вместе с тем первый специально посвященный Боспору обобщающий труд, написанный советским исследователем. В то же время это очень обстоятельное, детально разработанное исследование, которое подводит итоги доступным нам сведениям по истории и археологии Боспора.

Проявленная автором разносторонняя эрудиция позволяет считать, что В. Ф. Гайдукевич мастерски владеет доступным нам материалом. Он широко использовал специальную научную литературу, свидетельства древних авторов, археологические материалы, хранящиеся в музейных коллекциях, и различные, в том числе неопубликованные, архивные документы.

Несомненным достоинством труда В. Ф. Гайдукевича является включение новых материалов, являющихся достижениями нашей археологии 30-х, а в ряде случаев даже 40-х гг. Среди этих новых материалов видное место занимают находки в малых боспорских городах, существенно пополнившие наши представления по истории Боспора.

Большая часть этих материалов, обогативших рецензируемую книгу, добыта ленинградской Боспорской экспедицией, следовательно, является заслугой, прежде всего, самого В. Ф. Гайдукевича.

Положительной стороной следует считать большую осторожность и осмотрительность автора. Как правило, он опирается только на твердо установленные факты, хорошо засвидетельствованные письменными источниками, вещественными материалами или приняты в науке. В силу этого можно с полной уверенностью сказать, что В. Ф. Гайдукевич гарантировал себя от ошибок и избежал (или во всяком случае почти избежал) их, а этого не так легко достигнуть автору столь обширного труда.

Эта достоверность содержания книги, в соединении с прекрасным подробным аппаратом, делает ее ценнейшим пособием для каждого занимающегося боспорскими древностями.

В целом книга В. Ф. Гайдукевича завершает археологические исследования последних лет. Подводя итоги этим работам, она отражает современное состояние данного раздела науки; это археология Боспора на том уровне, которого она достигла к концу первой половины XX в.

Все сказанное свидетельствует о наличии несомненных достоинств в рассматриваемом труде В. Ф. Гайдукевича, бесспорно обогатившем нашу специальную литературу, посвященную Боспору. Однако, несмотря на эти положительные черты, рецензируемая работа не лишена и некоторых недочетов.

Основным недостатком работы является раздельное изложение истории и археологического материала. Так, говоря о Боспоре времени Спартокидов, автор сначала повествует о политической истории, затем характеризует экономику, после чего переходит к описанию боспорских городов и их некрополей. В результате такого построения работы археологический материал оказывается недостаточно преодоленным исследователем; в сущности он становится иллюстрацией для истории, а не ее источником. Группировка самого археологического материала тоже весьма спорна. Так, городища рассматриваются, как правило, отдельно от их некрополей. Не приходится говорить о том, что эти данные взаимно дополняют друг друга. Для понимания характерных черт каждого города совместное рассмотрение материалов городища и некрополя дает значительно больше, чем раздельное, особенно, если признать во внимание большее своеобразие различных боспорских городов. Наконец, принятая В. Ф. Гайдукевичем группировка материалов приводит к тому, что целый ряд очень важных данных для истории культуры, искусства и производства Боспора подчинен задаче обрисовать погребальное дело на Боспоре, что также нельзя считать закономерным.

Говоря о достоинствах книги В. Ф. Гайдукевича, мы отметили большую осторожность автора, указав в то же время, что рассматриваемая работа отвечает современному состоянию науки по данному вопросу. Приходится, однако, сказать, что в большом достоинстве нередко таится зародыш некоторого недостатка. Так это произошло и в данном случае. Опираясь на твердо установившиеся в науке мнения, автор некритически относится к ряду положений, которые, хотя до сего времени и не подвергались надлежащей критике, тем не менее нуждаются в решительном пересмотре.

Так, у нас еще не преодолена в должной мере некоторая недооценка роли местных элементов, своеобразия исторического процесса развития Боспора и самобытности его культуры. В силу этого настоятельно назрела необходимость коренного пересмотра всех материалов с указанной точки зрения. Недостаточно критическое отношение автора рецензируемой работы к этому вопросу сказывается в ряде разделов и прежде всего в его трактовке происхождения боспорских династий.

В. Ф. Гайдукевич решительно склоняется к гипотезе Перро, согласно которой основатель первой боспорской династии — Спарток был предводителем фракийских наемников. Об этом автор пишет: «Проявив себя способным военачальником наемного войска, Спарток, бывший, повидимому, выходцем из фракийской знати, мог захватить власть, опираясь на поддержку тех слоев населения Боспора, которые желали видеть во главе государства правителей, способных не только отстоять, но и значительно усилить и, прежде всего, расширить его территориально» (стр. 46).

Вместе с тем В. Ф. Гайдукевич решительно высказывается против другой гипотезы — о скифском происхождении Спартока, указывая, что ни в именах, ни в государственной политике Спартокидов не заметно признаков, подтверждающих их скифское происхождение (стр. 47). Однако опровержение второй гипотезы еще не является достаточным доказательством первой.

Для того чтобы утверждать, что Спарток был фракийским наемником, нужно доказать, что на Боспоре во времена Археанактидов была наемная армия и что эти наемники были фракийцами. Мы располагаем несомненными доказательствами о наличии на Боспоре наемников — эллинов и фракийцев в войске Сатира; эти солдаты, вероятно, были взяты на службу еще при Перисаде I (D i o d., XX, 22). Вполне возможно также, что Левкон I имел наемников-аркадян (IOSPE, II, № 4). Однако у нас нет ни-

каких свидетельств, позволяющих утверждать наличие наемной армии во времена Археанактидов. Более того, целый ряд, правда, косвенных, но тем не менее очень веских данных побуждает нас решительно поставить под сомнение гипотезу о возможности существования наемной армии у Археанактидов. Наемные солдаты стоили всегда довольно дорого. Их могли содержать только богатые государства. Оплата 4000 наемников Персиада I и аркадян Левкона I обеспечивалась большими материальными ресурсами, которыми располагал Боспор в эпоху его наибольшего расцвета в IV в. до н. э. О большом увеличении благосостояния Боспора в это время свидетельствуют значительное расширение подвластных ему территорий, рост главного города в государстве — Пантикапея, богатство его знаменитого курганного некрополя (Юз-Оба), обильная чеканка пантикапейской золотой монеты, а также широко известные данные о большом размахе боспорской торговли хлебом.

Совершенно иной была хозяйственная база Боспора в середине V в. до н. э. Государство ограничивалось сравнительно небольшой территорией — в него входили только колонии, расположенные по берегам Керченского пролива; столица — Пантикапей — была небольшим городом с небогатым некрополем; чеканка монет ограничивалась серебром и притом преимущественно небольших номиналов.

Все сказанное заставляет предполагать, что во времена Археанактидов Боспор вряд ли располагал достаточными ресурсами, чтобы содержать наемную армию. Более того, в это время, по всей видимости, в наемниках не было и надобности. Исследование Пантикапейского некрополя, произведенное Г. А. Цветаевой, показало, что в VI — первой половине V вв. до н. э. в значительной части могил находится оружие. Повидимому, все боеспособное свободное мужское население несло военную службу — при таких обстоятельствах отпадала и необходимость в наемниках.

Но если бы даже Археанактиды и имели наемное войско, то сравнительно мало вероятно, чтобы они привлекли на службу фракийцев. Фракийцы обычно выступали в качестве пельтастов, а этот род оружия завоевал всеобщее признание только в IV в. до н. э.

Таким образом, нужно думать, что Спарток не мог быть начальником наемной армии фракийцев, ибо таковой тогда не было на Боспоре. Разумеется, у Археанактидов могли быть наемные телохранители. Но личная стража — не войско, а начальник ее никогда не может играть той роли в государстве, которая возможна для командующего армией. Главный недостаток построения В. Ф. Гайдукевича заключается в том, что он недооценивает социального значения переворота Спартока, выдвигая на первый план личные способности основателя боспорской династии. Мы не оспариваем этих способностей ни у Спартока, ни у его преемников, но причину устранения Археанактидов нужно искать не в них, а в политической обстановке в начале тридцатых годов V в. до н. э. Экспансия могучих в то время Афин, нужна думать, привела к объединению греческих городов с местной эллинизированной знатью, и притом не со скифской, а с синдо-меотской. Из этой среды, вероятно, вышел и Спарток. Синдо-меоты, видимо, были преемниками киммерийцев, а родство последних с фракийцами установлено достаточно надежно. Таким образом, «фракийские» черты династии Спартокидов, вероятно, местного (синдо-меотского), а не заморского происхождения. Да и трудно было бы допустить, чтобы правившая более трехсот лет династия (и захватившая власть не путем завоевания) все время сохраняла иноземный характер¹.

Еще большее недоумение вызывает стремление автора видеть в Асандре и Аспурге потомков старой династии Спартокидов (стр. 312 и 540), которую В. Ф. Гайдукевич счи-

¹ Гипотезу о происхождении династии Спартокидов из местной знати соснихед с Боспором племен — преемников киммерийцев мы уже высказывали в нашей работе «Киммерийский вопрос и Пантикапей» (Вестник МГУ, 1948, № 8, стр. 17 сл.). К очень близким выводам пришел в недавно напечатанной работе М. И. Артамонов, рассматривавший данный вопрос в связи с совершенно другими проблемами («О происхождении боспорских Спартокидов», ВДИ, 1949, № 1, стр. 34).

тает фракийской. Доказать это положение не представляется возможным. Между тем совпадение имен Аспурга и Савромата, с одной стороны, и аспургиан и сарматов, с другой, никак нельзя считать случайным. Даже такое событие, как брак Аспурга на фракиянке Гипепириц, дает автору повод говорить, что боспорскую «династию Тибериус Юллев мы вправе считать полуфракийской». Таким образом, В. Ф. Гайдукевич приходит к выводу, что, начиная с 438 г. до н. э., Боспор постоянно управлялся чужеземной династией; это положение автора, конечно, не может быть принято.

Вероятно, результатом недооценки самобытности и самостоятельной роли Боспора явился ромоцентризм, выступающий в работе иногда в довольно резких формах. Так, на стр. 319 восстание боспорских городов против понтийского царя Митридата Евпатора В. Ф. Гайдукевич трактует как переход боспорских городов на сторону Рима. Еще менее приемлема оценка последующих событий. О них в конце той же (319) страницы мы читаем: «Но римская опека над Боспором далеко не сразу обеспечила внутреннее политическое умиротворение». Нельзя видеть во внешней агрессии Рима «опеку», а попытки Рима подавить освободительную борьбу Боспора за независимость нельзя подменять «политическим умиротворением».

Военную мощь Боспора автор без достаточных оснований ставит в тесную зависимость от римской поддержки. Так, на стр. 443, говоря о событиях конца первой половины III в. н. э., автор восклицает: «мог ли Боспор рассчитывать в этот критический момент на помощь Рима?» Ухудшение положения Боспора с середины III в. н. э. В. Ф. Гайдукевич объясняет тем, что в это время ослабела поддержка со стороны Рима (стр. 339). Переоценка роли Рима иногда выступает и в мелочах. Работавшего в Танаисе архитектора Аврелия Антонина автор (на стр. 338) считает возможным признать римлянином. Основанием для этого заключения служит только имя архитектора, что не является достаточным доказательством. Немного дальше (на стр. 340) В. Ф. Гайдукевич уже безоговорочно пишет о присутствии римского архитектора в Танаисе и видит в этом определенную помощь Боспору от Рима.

Ромоцентризм особенно отличается последняя глава книги — «Распад Боспорского царства» (стр. 439—484). Там весьма детально описана вся внешняя обстановка, о походах готов на Восточную империю говорится даже с излишними подробностями (стр. 440—449). Однако не уделено достаточного внимания самому главному вопросу — внутренним причинам упадка Боспора. Согласно В. Ф. Гайдукевичу (стр. 454), экономический упадок Боспора был вызван тем ущербом, который причинили последнему готские походы. Нужно думать, что дело обстоит значительно сложнее. Вероятно, уже к началу III в. н. э. на Боспоре наметился ряд изменений в хозяйственной жизни: падение внешней торговли, рост натурального хозяйства, превращение города в земледельческое селение и затухание его как торгового центра, что должно было вызвать уменьшение материальных ресурсов. О финансовых затруднениях, испытывавшихся Боспором еще в первой половине III в. н. э., еще до нашествия готов, говорит ухудшение золотой монеты при Рискупориде III, окончательная порча ее при Котисе III и Савромате III и, наконец, замена золота низкопробным серебром при Рискупориде IV.

Отмеченное нами ослабление экономических связей Боспора с Малой Азией еще в первой половине III в. н. э. неизбежно ослабляло и заинтересованность Боспора в поддержании этих связей. В этом, нам представляется, нужно видеть одну из причин предоставления боспорцами своих кораблей готам для их набегов.

В дальнейшем, конечно, готские походы еще более усилили падение внешней торговли Боспора, что справедливо отмечено автором.

Завершая свой труд, на странице 483 В. Ф. Гайдукевич говорит, что Боспор «теснейшим образом был связан с судьбами Римской империи, с помощью которой Боспор, как рабовладельческое государство, на протяжении I—III вв. н. э. еще мог политически противостоять окружающему его миру причерноморских варваров... В III—IV вв. н. э. варваризация Боспора достигла такой степени, когда полное поглощение его варварами стало неизбежным». С этими положениями автора нельзя согласиться. Не варварами стало неизбежным определяли историю Боспора, а тем паче распад последнего.

Укажем также, что, говоря об увядании Боспора (стр. 463 и др.), автор отмечает только наличие распада старых отношений, совершенно обходя молчаньем, что этот распад сопровождался становлением новых отношений, основанных на натуральном хозяйстве.

Далее следует отметить, что в работе В. Ф. Гайдукевича наблюдается недооценка местного творчества на Боспоре. Автор видит целый ряд заимствований в искусстве и культуре Боспора и притом нередко без достаточных оснований. Особенно резко это выступает в вопросе об уступчатых склепах. Следуя недавно появившейся статье С. А. Кауфман, В. Ф. Гайдукевич считает, что боспорские склепы ведут свое происхождение от эгейских толосов XVI—XII вв. до н. э., причем промежуточным звеном являются последующие малоазийские и даже этрусские гробницы VII—VI вв. до н. э. (стр. 262 и сл., также стр. 526) и, наконец, фракийские. Все это построение страдает несомненно сильнейшей переоценкой роли влияний. Прежде всего необходимо считаться с тем, что такие элементарно простые сооружения, как круглые или квадратные в плане гробницы, перекрытые уступчатыми сводами, вовсе не обязательно возводить к единому источнику. Эти формы могли появляться в различных местах совершенно независимо друг от друга. Далее, нельзя рассматривать то или иное произведение архитектуры, не учитывая прототипов, лежавших в его основе, и особенно его назначения. Для эгейских гробниц прототипом была круглая в плане ульвидная хижина, для боспорских склепов — бревенчатый сруб. Не одинаково было и назначение этих сооружений. Эгейские гробницы служили родовыми усыпальницами, боспорские — семейными склепами.

Автор упустил из вида местные корни боспорских склепов. Таковыми являются отмечавшиеся нами древнейшие срубные погребения¹, и позднее возникшие на их основе каменные конструкции². Целый ряд очень интересных соображений о связях боспорских курганов с прикубанскими имеются в вышеуказанной статье М. И. Артамонова «О происхождении боспорских Спартокидов».

Менее существенны другие недочеты. Придя в конечном счете к выводу, что строительство боспорских склепов возникло под воздействием Фракии в IV или конце V в. до н. э., В. Ф. Гайдукевич впадает в противоречие, когда отмечает, что подобные сооружения во Фракии датируются временем не ранее IV в. до н. э. (стр. 265). Наконец, совершенно необоснованной является очень ранняя дата гробницы в Золотом кургане, относимой автором к V в. до н. э. (стр. 525). Далее, говоря о вазах Ксенофанта (стр. 132), В. Ф. Гайдукевич считает достаточным для доказательства афинского происхождения этих памятников отсутствие в них «замечательного «этнографического реализма», подлинного знания жизни и внешнего облика скифов, какими отличаются произведения боспорских торевтов». По поводу этого положения прежде всего следует заметить, что на вазах Ксенофанта изображены не скифы, а персы, а изображать персов с «этнографическим реализмом» у боспорского мастера было еще меньше возможностей, чем у афинского. Но главное даже не в этом. Автор исходит из методологически неверной посылки, что в искусстве Боспора IV в. до н. э. могло быть только одно направление, получившее столь яркое выражение в «этнографическом реализме» боспорской торевтики. Культура Боспора в эпоху расцвета была сложной и многогранной, и в искусстве его, несомненно, существовали и боролись различные направления. Ведь и в торевтике этого времени, наряду с реалистическими образами скифов, нам известны типические изображения, особенно в мифологических сценах. Что же касается ваз Ксенофанта, то во всяком случае нельзя считать их афинскими изделиями. Против этого говорит текст подписи Ксенофанта: ибо нам неизвестны случаи, чтобы аттические мастера, работавшие в Аттике, указывали на свое афинское происхождение.

Недооценка самостоятельного вклада Боспора в художественную культуру сказывается и в освещении автором декоративной живописи. В. Ф. Гайдукевич говорит, что

¹ Всеобщая история архитектуры, II, ч. 2, М., 1948, стр. 392.

² М. И. Артамонов, Третий Разменный курган, СА, X(1948), стр. 162.

она всегда сохраняла раннеэллинистические традиции и испытывала различные внешние влияния, не уделяя хотя бы скромного места самостоятельному творчеству (см. стр. 397; на стр. 416 с таких же позиций описана роспись «Стасовского склепа»). Кстати сказать, и в росписях склепов Неаполя В. Ф. Гайдукевич склонен видеть только местную переработку принесенных извне мотивов (стр. 532 сл.).

Появление полихромного стиля в ювелирных изделиях Боспора первых веков нашей эры автор объясняет иранскими влияниями, передаваемыми через посредство сарматов (стр. 426). Нам представляется более вероятным предположить, что скорее этот стиль возник на местной основе и предшественниками его являются инкрустации из Келермеса.

Недооценка роли местных начал наблюдается не только при описании искусства, но также и культов. Так, говоря о популярности изображений конного воина на боспорских надгробиях I—II вв. н. э., автор объясняет это явление проникновением культа бога-всадника из Фракии на Боспор (стр. 388). С этим положением согласиться нельзя, хотя бы уже по тому, что культ конного бога засвидетельствован в Северном Причерноморье в значительно более древнее время как письменными источниками (Н е г., IV, 8—9), так и археологическими памятниками (рельефы ритона из кургана Карагодеу-анш).

Особенно же преувеличена роль внешних элементов — римского, фракийского и иудейского — в жизни и культуре Боспора первых веков нашей эры (стр. 347 сл.). При этом должно отметить, что у читателя создается впечатление, что В. Ф. Гайдукевич считает монотеистические идеи этого времени обязательно результатом влияния иудейской религии (стр. 433).

Особенную суровость автор проявляет к скидам и меотам. В книге говорится о том, что они постоянно испытывали влияния: сначала скифов, затем сарматов и, кроме того, Боспора (стр. 370 сл.), и ничего не сказано о том, каковы были оригинальные, самобытные черты их культуры. Говоря о Боспоре, В. Ф. Гайдукевич называет его греко-скифским государством (стр. 70), считая возможным подменить скидов и меотов скифами.

Вызывает большие сомнения мнение автора о неизменности государственного строя Боспора на протяжении почти восьми веков. На стр. 330—331 мы читаем: «Классовая сущность государственно-политического строя Боспора в римское время не отличалась чем-либо существенным от строя времени Спартокидов. Это попрежнему была неограниченная монархия...» Несколько ниже, на стр. 341, В. Ф. Гайдукевич пишет: «Боспорская монархия уже при Спартокидах приобрела ярко выраженный характер единоличной власти царя, правящего «милостью божий». С этими построениями нельзя согласиться. Хозяйственная и социальная основы Боспора не были неизменными. В отличие от абсолютной монархии, каковым был поздний Боспор, государство Спартокидов представляло собой монархию эллинистического типа, в которую входили пользовавшиеся некоторой автономией греческие города и подчинявшиеся царской власти местные племена. Самому В. Ф. Гайдукевичу приходится признать, что при Спартокидах «долго удерживались пережитки греческого полиса» (стр. 340), что несовместимо с неограниченной монархией, да еще «божий милостью».

Далее нельзя не упрекнуть автора за то, что он обходит молчанием весьма важный вопрос о том, что монархия эллинистического типа появилась на Боспоре примерно на полстолетия раньше, чем аналогичные по типу государственные образования в восточном Средиземноморье. Другими словами, в книге не уделено достаточного внимания вопросу о темпе развития боспорского общества.

Вызывает недоумение утверждение автора, что Боспор до I в. н. э. (и в том числе в IV в. до н. э.) находился в постоянной зависимости от скифов (стр. 71 сл.). Дань, которую платил Боспор во II в. до н. э., надежно засвидетельствована Страбонам. Однако у нас нет никаких оснований полагать, что то же было и во времена расцвета Боспора.

Несомненным достоинством работы В. Ф. Гайдукевича является то обстоятельство, что малые города Боспора заняли достойное место в его труде. Однако автором не уде-

лено достаточного внимания боспорским столицам, в особенности Пантикапею. Так, обойдены молчанием очень важные для истории города раскопки Бегичева и Бобринского, не уделено внимания богатым центральным кварталам, раскопанным Думбергом, а также усилению роли земледелия, что проявилось в сооружении большого числа зерновых ям, отмечавшихся уже Ашиком. Материалы Пантикапея и Фанагории важны тем, что они дают несколько иную картину, чем находки в меньших городах, например, по такому разделу, как местная керамика в IV в. н. э., иллюстрированная автором по находкам в Тирпатаке (стр. 480).

На этом мы закончим наши основные возражения и перейдем теперь к некоторым отдельным замечаниям. Автор неоднократно (стр. 40, 62, 340) говорит о демократическом строе в боспорских городах VI в. до н. э., не приводя никаких доказательств этому крайне сомнительному предположению. Также без оснований Археонактиды названы единоличными властителями (стр. 44), скорее следует видеть в них правящий аристократический род. Свидетельства Полиэна — источника крайне сомнительного — автор принимает без какой-либо критики (стр. 60 и 63). На стр. 63, упоминая о титуле правителей Боспора, В. Ф. Гайдукевич допускает неточность, говоря, что они именовались архонтами Боспора и царями подвластных им племен, — нужно было сказать не «царями», а «царствующими» (не βασιλεύς, а βασιλεύων), и подробнее показать изменение титула.

Чертомлыцкую амфору украшает пегас, а не голова лошади с крыльями (стр. 123).

Неубедительны попытки автора исправить Страбона, отнеся свидетельство знаменитого географа об азиатском Киммерике к европейскому Киммерику (стр. 186, 510). В. Ф. Гайдукевич указывает, что азиатский Киммерик сильно отдален от Киммерийского вала, однако и европейский Киммерик (особенно гора Опук) находится на значительном расстоянии от ближайшего вала.

События конца II в. до н. э. изложены суммарно и иногда неточно (стр. 300—301). Вряд ли можно думать, что Ольвия добровольно отдала себя под покровительство скифов, а также что, нападая на Херсонес, Палак имел аналогичные притязания и на Боспор, как это утверждает автор.

Трудно согласиться с предположениями В. Ф. Гайдукевича о содержании росписи склепа Анфестерия (стр. 404). Автор полагает, что это — изображение или походной жизни покойного, или быта его ближайших предков. Нам представляется более вероятным, что это — изображение быта самого покойного — знатного пантикапейца, который в сопровождении вооруженных слуг проводил лето в степи, где паслись его стада и возделывались его поля.

При описании погребального инвентаря автор неоднократно (стр. 409, 412), перечисляя предметы вооружения, упоминает ножи. Это ошибка; нож — предмет бытового обихода, а не оружие (даже и в тех случаях, когда нож принадлежит военному).

Наконец, отметим, что в обстоятельно составленные таблицы боспорских монет введена золотая синдская монета (табл. I, 10, стр. 494, 582), которую крупнейший специалист по античной нумизматике покойный А. Н. Зограф признал подделкой.

Язык книги простой и ясный, стилевые погрешности крайне редки. Отметим неудачный неологизм: «полосато-голубые» (стр. 282), несколько архаичное заглавие книги «Боспорское царство» вместо обычного — Боспор, устарелый термин «катакомбы» в приложении к керченским склепам (стр. 383), неправильную транскрипцию умвон (стр. 478), вместо умбон. На страницу 382 закралась опечатка «позднеэллинистическое», вместо «позднеэллинистическое».

Очень обстоятельный библиографический список хотелось бы пополнить только одной работой: С. С. Лукьянов и Ю. П. Гриневич, «Керченская кальпида 1906 года и поздняя краснофигурная живопись» (МАР, № 35 (1915)).

Сделанные нами замечания отнюдь не обесценивают отмеченных выше положительных сторон книги В. Ф. Гайдукевича, тем более, что многие из них относятся не столько к рецензируемому труду, сколько к современному состоянию науки. При всяких обстоятельствах автор заслуживает признательности от всех исследователей Се-

верного Причерноморья, а рецензируемая работа будет долго служить настольной книгой для каждого изучающего боспорские древности.

В. Д. Блаватский

II

Присоединяясь в целом к общей оценке монографии, данной проф. В. Д. Блаватским в публикуемой выше статье (стр. 151), настоящая рецензия ставит своей целью разобрать подробнее некоторые исторические проблемы, затронутые в книге В. Ф. Гайдукевича. Усиленное внимание, которое теперь¹ уделяется древней истории Северного Причерноморья в курсе высшей школы, значительно повышает нашу потребность в обобщающих работах по истории как всего Причерноморья, так и его отдельных областей.

В. Ф. Гайдукевичу удалось поставить и удачно осветить целый ряд проблем истории Боспорского царства, многие из которых уже подвергались обсуждению в советской науке. Автор всесторонне разбирает причины греческой колонизации (стр. 12—14), причем учитывает соответствующие высказывания Маркса¹, не пользующиеся, к сожалению, тем вниманием, которого они заслуживают. В качестве причин колонизации он учитывает и результаты относительного перенаселения античных городов, и классовую борьбу, и торговые цели.

В. Ф. Гайдукевич дает яркую характеристику социального строя Боспорского царства в первые столетия его существования, показывает удельный вес и постепенный рост рабства, устанавливает роль эксплуатации зависимых крестьян и на целом ряде примеров выявляет наличие сходных отношений в других областях эллинского мира, в особенности на его периферии (стр. 149—153). Сопоставление института зависимого крестьянства с «рабско»-подданическими отношениями, зарождавшимися у кочевников (стр. 132), методологически верно и потому очень удачно. Хорошо освещено восстание Савмака; В. Ф. Гайдукевич ясно показывает, что никакие пересмотры не могут опровергнуть точку зрения С. А. Жебелева, впервые доказавшего, что восстание Савмака было в действительности общим восстанием угнетенного скифского населения Боспорского царства; очень правдоподобно замечание автора, что «вожаки восстания руководствовались в своих действиях идеей превращения Боспора в конечном счете в скифское государство» (стр. 538). Помимо царских монет самого Савмака, подтверждением этому является деятельность рабских царей Эвна и Трифона, а также Аристоника, с восстанием которого сопоставляет восстание Савмака сам автор (стр. 304). Чрезвычайно интересно, в частности, отмеченное В. Ф. Гайдукевичем наличие солярной символики на монетах Савмака, которая особенно тесно сближает скифское восстание на Боспоре с восстанием Аристоника.

Четко изложена история Боспора в I в. до н. э. и в первые столетия нашей эры. В. Ф. Гайдукевич очень справедливо определяет причины, побуждавшие римлян добиваться господства в Северном Причерноморье (стр. 318—325), правильно относит принятие боспорскими царями имени Тибериев Юлиев ко времени Аспурга (стр. 324), дает интересное сопоставление сравнительно скудных литературных, эпиграфических и нумизматических источников по истории Боспора с середины I в. н. э. и т. д. В заключительных главах монографии хорошо показана постепенная «сарматизация» Боспора, нарастание местных черт в его политическом строе и культуре.

Можно было бы привести еще целый ряд примеров удачной постановки и успешного разрешения В. Ф. Гайдукевичем отдельных проблем истории Боспора. Следует, однако, заметить, что способ изложения археологического материала, а также отдельные частные положения и суждения автора вызывают некоторое сомнение и потому нуждаются в пересмотре или дополнительном обосновании.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 128—129.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ
